Юревич Андрей Владиславович
член-корреспондент РАН,
зам. директора Института психологии РАН.,
yurevich@psyhol.ras.ru

НАУКОВЕДЧЕСКАЯ БАШНЯ, ИЛИ В ОЧЕРЕДНОЙ РАЗ О ПРЕДМЕТЕ И СТРУКТУРЕ НАУКОВЕДЕНИЯ

Несостоявшийся взлет

В 70-е годы прошлого века науковедению отводилась роль не просто науки *о* науке, а своего рода «науки наук», или метанауки — системы знания, одновременно обобщающей закономерности развития науки и способной служить катализатором ее развития. Эти ожидания не сбылись или, во всяком случае, роль науковедения оказалась намного скромнее. Кроме того, следует признать и неудачу в построении науковедения как единой и самостоятельной научной дисциплины, и окончание бума науковедческих исследований, начавшегося в 60-е годы прошлого века, затухание эйфорических ожиданий, обрыв позитивных тенденций, т. е., в общем-то, *кризис отечественного науковедения*.

Причины несостоявшегося восхождения науковедения на вершину иерархии научных дисциплин сами по себе заслуживают науковедческого анализа. Они, как и те причины, которые науковедение обнаруживает в развитии других наук, могут быть разделены на две категории: «внешние» и «внутренние» по отношению к самой науке, в данном случае — к науковедению.

Первая «внешняя» причина состоит в том, что *общественный интерес к науковедению пропорционален интересу к самой науке и колеблется вместе с ним*. В те времена, когда наше общество было заражено своеобразным «романтическим сциентизмом» [1], когда самым популярным литературным жанром была научная фантастика, будущее нашей цивилизации виделось не на Земле — в скучных склоках между политиками, а в космосе — в увлекательных контактах с другими цивилизациями, и советские родители мечтали видеть своих отпрысков не банкирами, а учеными и космонавтами (были такие времена!), казалось, что науке по силам решить все основные проблемы человечества, и что главная задача человечества состоит в том, чтобы ускорить развитие самой науки, познав ее закономерности. Именно эта задача ставилась перед науковедением, которое, таким образом, выдвигалась в эпицентр социального прогресса.

Снижение интереса к науке, характерное для современной России, где профессия ученого стала одной из самых непопулярных и намного уступающей в экономическом статусе таким профессиям, как проститутка или фотомодель [2], естественным образом отразилось и на «науке

о самой науке». В этой связи главная задача науковедения — познание закономерностей развития науки — сейчас, в отличие от прежних времен, не воспринимается массовым сознанием в качестве приоритетной.

Вторая «внешняя» причина несостоявшегося взлета науковедения, в отличие от первой, носит интернациональный характер и сопряжена с тем, что в современном мире основную траекторию развития науки определяют не короли и министры, а… простой обыватель — в качестве избирателя и налогоплательщика. Современный обыватель живет по принципу «здесь и сейчас» и довольно-таки безразличен к тому, есть ли жизнь на Марсе, и не любит, когда его деньги тратятся на сомнительные проекты, имеющие отдаленные перспективы реализации [3]. В результате, даже в благополучных странах глобальные исследовательские проекты сворачиваются; щедро финансируется лишь то, что сулит быстрый практический эффект. В таких условиях фундаментальная наука переживает непростые времена, а наиболее крупные исследовательские лаборатории создаются не при университетах, как это было раньше, а при таких корпорациях, как «General Motors» и «Panasonic», финансирующих в первую очередь прикладные исследования. Как пишет И.Ф. Кефели, «время научных открытий сменилось временем использования плодов этих открытий, когда науке дается временная (надо полагать) отставка» [4, с. 23]. Тем самым «временная отставка» дается и науковедению — как изучающему в основном закономерности развития фундаментальной науки, а не практического использования ее результатов, которые внедряются и без его помощи.

«Внутренние» причины кризиса отечественного науковедения многочисленны и тоже носят как интернациональный — относясь ко всей науке о науке, — так и «национальный» характер, коренясь в специфике отечественного науковедения.

Советский предшественник современного российского науковедения взял на себя явно завышенные обязательства, посулив обществу ускорение — средствами науковедения — развития науки и вообще всего научно-технического прогресса, в то время как — и это очень убедительно показали события минувшего десятилетия — происходящее с наукой и возможности практического использования научного знания определяются отнюдь не науковедением.

На судьбу советского науковедения во многом повлиял и его марксистский характер, который в прежние годы, естественно, считался его преимуществом и главным отличием от западной науки о науке. «Развитие науковедения в социалистических странах опирается на диалектико-материалистическую философию, на марксистско-ленинскую теорию науки» [5, с. 4]; «диалектический и исторический материализм являются общетеоретической и методологической базой науковедения» [6, с. 125], — с гордостью констатировали авторы науковедческих трудов того времени. «И если опора на марксистско-ленинскую теорию развития науки стала первой характерной чертой, отличительной особенностью науковедения в социалистических странах, то глубокое внимание к разработке комплексного, системного подхода к научной деятельности является его второй особенностью» [6, с. 7].

Разумеется, в 80-е годы прошлого века подобные утверждения во многом носили ритуальный характер, а идеологическая надстройка над советской социогуманитарной наукой уже была не слишком тяжелой и не так придавливала ее, как прежде. Тем не менее, в подобном контексте изучение науковедческих проблем нередко сводилось к их «истматовскому забалтыванию», что не могло не отражаться на общей результативности самих науковедческих исследований. Сейчас оценка реальных достижений советского науковедения затруднена необходимостью их вычленения из марксистской «трухи» — того специфического фразеологического и идеологического контекста, в котором они сформулированы. А один из главных недостатков отечественного науковедения и отечественной истории науки, состоящий в том, что они, в отличие от зарубежных исследований науки, не породили *концепции развития самой науки*, сопоставимой с теориями Т. Куна, П. Фейерабенда, И. Лакатоса, во многом, если не в первую очередь, объясняется тем, что это место уже было заполнено — марксистской концепцией развития науки, хотя, в отличие от вышеупомянутых теорий, трудно определить, в чем именно она заключалась.

Вероятно, на судьбе отечественного науковедения сказалось и то обстоятельство, что оно традиционно было ориентировано на обобщение опыта *естественной* науки[1] и выдачу ей рекомендаций по поводу того, как правильнее развиваться, при очевидном игнорировании социогуманитарной науки как науки «второго сорта». В современной России социогуманитарные науки востребованы куда больше, чем естественные, что выражается в динамике количества студентов, аспирантов, докторантов, исследовательских центров и т. п. [7]. Отечественное науковедение, в основном ориентированное на изучение опыта естествознания, переживает кризис вместе с ним, в чем состоит еще одно проявление сформулированного выше принципа: общественный интерес к науковедению пропорционален интересу к его предмету. Можно предположить, что если бы отечественное науковедение больше внимания уделяло очень востребованной в современной России социогуманитарной науке, то и само оно было бы более востребованным. А оно продемонстрировало ригидную привязанность к естественной науке как к объекту изучения, что негативно отразилось на его судьбе.

Определенную роль, по-видимому, сыграла и общая тональность современных науковедческих оценок современного состояния отечественной науки. При всех многочисленных достоинствах наших науковедческих работ нельзя не заметить то, что они, во-первых, уди-

---

[1] Симптоматично, что одним из главных эпицентров развития отечественного науковедения стал Институт истории естествознания и техники РАН. Института же, обобщающего опыт развития социогуманитарной науки или науки в целом, включающей социогуманитарную науку, у нас никогда не было и, похоже, в ближайшее время не будет. И в этом состоит определенный парадокс, поскольку социогуманитарная наука куда более чем естественная, нуждается в выработке рекомендаций общеметодологического характера.

вительно однообразны и строятся по стандартной схеме[1], во-вторых, сфокусированы на кризисных явлениях на фоне явной недооценки более нетривиальных — неоднозначных и позитивных — тенденций. Такое однообразно-«чернушное» науковедение не слишком интересно и самим науковедам, поскольку постоянно повторяющиеся сюжеты до боли знакомы и каждому из них, и массовому читателю, ждущему от науковедов высвечивания ярких фактов и выявления свежих тенденций. В результате однообразно-траурный настрой российского науковедения, предопределенный заботой о спасении отечественной науки, парадоксальным образом ухудшает и отношение к науковедению, и общественный интерес к науке. Здесь уместно вспомнить Ходжу Насреддина, который объяснял спасенному им утопающему, что у того было бы больше шансов спастись, если бы он тянул руку к своим спасителям со словами не «дай», а «на».

Однако все же главной «внутренней» причиной кризиса отечественного науковедения явилось то, что, несмотря на интегративные декларации 70-х гг. прошлого века, оно, вместе с мировой наукой о науке, так и осталось пестрым конгломератом дисциплин, не сумев стать единой дисциплиной. Если оценивать некий условно определяемый «общий массив» дисциплинарного знания, то при «сложении» философско-методологического знания о парадигмах, исследовательских программах и т. п., обобщений социологии науки о закономерностях научной деятельности, наблюдений психологии науки о стадиях и механизмах совершения научных открытий и т. д., то «общий объем» науковедческого знания будет выглядеть вполне сопоставимым с накопленным в других научных дисциплинах, по крайней мере в социогуманитарных. Однако если оценивать упорядоченность и систематизированность этого знания, то науковедение явно уступает большинству наук, даже социогуманитарных, которые, в свою очередь, не могут похвастаться упорядоченностью и систематизированностью дисциплинарного знания. Науковедение — это разношерстный набор фактов и обобщений, полученных в рамках разных субдисциплин — истории науки, философии науки, социологии науки, экономики науки и т. д., не переводимых на общий язык, а тем более не транслируемых в систему знания, которая может быть уложена в единый учебник и передана в массовое сознание.

В общем, если главную «внешнюю» проблему современного отечественного науковедения можно определить как снижение общественного интереса к самой науке, то его основную «внутреннюю» проблему — как разобщенность на субдисциплины, отсутствие сколько-нибудь интегрированного общедисциплинарного знания.

---

[1] Основные элементы этой схемы таковы: 1) российская наука переживает тяжелый и беспросветный кризис, чреватый ее полным разрушением; 2) это разрушение будет иметь непоправимые последствия для всего нашего общества; 3) корень всех бед нашей науки — недостаток финансирования; 4) чтобы исправить ситуацию, надо принять соответствующие законы.

Науковедческая башня

Ситуация в науковедении сильно напоминает то, что творилось при строительстве Вавилонской башни. В изданном в 1985 г. коллективном и в определенном смысле эпохальном труде «Основы науковедения», явившемся одновременно продуктом и программой развития советского науковедения, выделялись его пять разделов: 1) общее науковедение, 2) социология науки, 3) психология науки, 4) экономика науки, 5) организация науки[1]. А к семейству науковедческих дисциплин добавлялась этика наука — правда, в качестве его нового и еще (в то время) не вполне равноправного члена, и высказывалась убежденность в том, что и изучению правовых проблем научной деятельности пора занять достойное место в этом семействе: «не будет ничего удивительного, если со временем сложится особое, специальное направление науковедческих исследований, предметом которого станет изучение этических проблем научной деятельности» [6, с. 129]. В общем-то, так и произошло, хотя в связи с проблемами, порожденным клонированием и т. п., обсуждение этических проблем научной деятельности вызвало настолько широкий резонанс, что оно вышло далеко за пределы собственно науковедения.

Еще более разветвленным и, соответственно, распыленным предстает науковедение в книге П.А. Рачкова [8]. Он выделяет 16 основных разделов этой области знания: 1) общая теория науки, 2) история науки, 3) социология науки, 4) экономика науки, 5) научная политика, 6) планирование и управление научными исследованиями, 7) теория научного прогнозирования, 8) операциональность науки (под этим загадочным обозначением скрываются «виды и характер ее различных применений, в том числе специфика науки как непосредственной производительной силы» [8, с. 19][2]), 9) моделирование науки, 10) наукометрия, 11) научная организация труда, 12) психология науки, 13) этика научной деятельности, 14) эстетика научной деятельности, 15) наука и право, 16) язык науки (последний не определен).

Н.И. Родный насчитал восемь науковедческих дисциплин: 1) методология науки, 2) логика развития науки, 3) социология науки, 4) наукометрия, 5) экономика науки, 6) организация науки, 7) психология науки, 8) научная политика [9].

---

[1] При этом понять, что такое «общее науковедение», которое характеризовалось как «методологическая основа всего комплекса науковедческих знаний» [5, с. 23], было довольно сложно.

[2] Естественно, в характеристиках науковедения и его разделов сказывались фразеологические традиции того времени, выражавшиеся, например, в таких формулировках: «диалектический и исторический материализм является общетеоретическим фундаментом науковедения» [5, с. 20]; «более зрелый этап в развитии науковедения будет, по-видимому, предполагать такое же в принципе определение его предмета, какое существует ныне у давно сложившихся наук — физики, химии, механики, *диалектического и исторического материализма* [курсив мой. — *А.Ю.*], политической экономии и др.» [8, с. 16].

Авторы книги «Социологические проблемы науки», вышедшей в 1974 г., выделили шесть основных направлений науковедческих исследований: 1) логико-гносеологическое исследование науки, 2) историко-научные исследования, 3) социологические исследования науки, 4) исследование экономических проблем развития науки, 5) наукометрические исследования, 6) исследование психологии научного творчества [10].

А С.Р. Микулинский обозначил в структуре науковедения пять магистральных направлений: 1) общее науковедение, 2) социология науки, 3) психология науки, 4) экономика науки, 5) организация научной деятельности [6].

В целом же из этих систематизаций видно, что, хотя основные разделы науковедения можно было вычленять разными способами, все же одни члены науковедческой семьи «равнее» других, и при наличии ряда второстепенных членов, эпизодически всплывающих в той или иной классификации, *существовало ее ядро, образуемое логикой и методологией науки, психологией науки, экономикой науки и социологией науки*, которые составляют достаточное инвариантное содержание всех классификаций.

Нетрудно заметить и то, что описанные систематизации выстроены в результате пересечения разных оснований, смешение которых принято считать недостатком любой классификации. Если, скажем, социология науки, история науки, философия науки (обычно объединяющая логику и методологию науки), психология науки, экономика науки предстают как базовые науковедческие *дисциплины*, являющиеся проекцией на науковедческое поле соответствующих наук — философии, социологии, психологии, экономики и истории, то организация науки, научная политика, научная организация труда, этика научной деятельности и др. выглядят скорее как *проблемные поля* или основные *объекты* науковедческого изучения. Что же касается общей теории науки или моделирования науки, то их естественнее рассматривать как *продукты* или *ориентиры* науковедческих изысканий.

Смешение разных оснований запечатлено и в рубрикации нашего современного и очень успешного журнала «Науковедение», где науковедческие *дисциплины* — философия и социология науки (объединенные в одну рубрику), история науки, наукометрия — соседствуют с *проблемными полями*, такими как академическая наука, вопросы научно-технической политики, научное сообщество, наука и культура. Естественно, в таком смешении оснований нельзя винить издателей журнала, которые группируют поступающие материалы в соответствии с основными тематическими потоками. Однако оно является «зеркалом», в котором отражается плохо упорядоченная проблемно-дисциплинарная структура современного науковедения.

Дисциплинарно-тематическая неупорядоченность переживалась как одна из главных проблем науковедения с 60-х гг. XX в., от которых принято отмерять его существование в качестве особой области знания[1].

[1] Что, по меньшей мере, неточно. В частности, в «Основах науковедения» сказано: «Как особая область исследования науковедение начало формироваться фактически только в 60-е годы XX в.» [5, с. 13] и вместе с тем отмечается, что

В результате объединительные программы, а точнее, призывы, были обильно представлены в науковедении того времени, причем установка на интеграцию рассматривалась в качестве одного из главных преимуществ советского науковедения по сравнению с его западным аналогом. Утверждалось, например, что «интеграция науковедческих дисциплин вытекает сегодня не просто из задач систематизации, а является важным средством повышения их теоретического и практического значения, роли науковедения в целом» [8, с. 17]; науковедение «есть не простое механическое соединение ранее известных знаний о науке, а новая научная дисциплина, выступающая как целостная система знаний» [8, с. 17]; науковедение должно интегрировать все науковедческие дисциплины и «раскрыть закономерности движения науки как единого целого в единстве всех ее «измерений» [9, с. 52] и т. п. И хотя раздавались отдельные призывы сохранить науковедение как «федерацию» равноправных дисциплин, звучавшие в том числе и со стороны таких известных советских философов, как П.В. Копнин [13], объединительные настроения были явно преобладающими.

Нацеленность на интеграцию разнообразного (и разношерстного) знания о науке отчетливо звучала в определениях науковедения и обозначениях его предмета. «Науковедение есть учение[1] об общих закономерностях развития и функционирования науки как системы знания и особого социального института» [8, с. 16]. «Науковедение — это комплексное исследование опыта функционирования научных систем с целью выработки методов усиления потенциала науки и повышения эффективности научного процесса при помощи средств организационного воздействия» [14, с. 9]. «Науковедение — это не просто наука о научной деятельности, а наука о взаимодействии элементов, в своей совокупности определяющих развитие науки как сложной системы, вскрывающая роль и влияние этих элементов на поведение всей системы как определенной целостности» [5, с. 19].

Иногда перспективы заветной интеграции связывались с решением вопроса о том, кто в семье науковедческих дисциплин самый «главный», и подчинением ему всех остальных. Например: «социология науки играет более существенную роль по сравнению с психологией науки и некоторыми другими элементами науковедения» [8, с. 22]. Хотя почему науковедческие дисциплины были расставлены «по росту» тем или иным образом, из самих расстановок трудно было понять.

Но все же чаще путь к объединению виделся в служении общим целям и построении иерархии не дисциплин, а этих целей, главной среди которых считалось построение *общей теории науки*: «науковедение

сам термин был введен в обиход польскими исследователями М. и С. Оссовскими в 30-годы [11], а еще раньше — в 1926 г. — употреблен нашим соотечественником И. Боричевским в статье с вполне современным названием «Науковедение как точная наука» [12]; отдается должное работам Дж. Бернала и др., появившимся задолго до 60-х гг.

[1] Здесь опять сказалась одна из марксистских традиций — называть очень рыхлые и аморфные конгломераты знания «учениями».

ставит своей задачей создать общую теорию развития науки» [5, с. 17]; «главным и основным является разработка теории науки» [Цит. по: 8, с. 17] и т. д. При этом теории развития науки, разработанные в рамках философской методологии науки, очевидно, не воспринимались в качестве науковедческих, поскольку выглядели слишком «узкими», в недостаточной степени интегрирующими социологические, психологические, экономические и прочие факторы.

Не родилась заветная общая теория науки и на поле ее исторических исследований, да и вообще взаимоотношение науковедения и истории науки оказались, особенно в нашей стране, довольно своеобразными. Если в когнитивных классификациях науковедческих дисциплин история науки обычно фигурирует в качестве одного из разделов науковедения, то в организационном плане все оказалось наоборот. Так, в старейшей отечественной цитадели науковедческих исследований — в Институте истории естествознания и техники РАН — науковедение традиционно развивалось «под» историей науки в качестве то ли ее составляющей, то ли ее побочного направления, а в рамках Советского Национального Объединения философов и историков науки и техники (СНОИФЕТ) науковеды фигурировали то в качестве историков, то в качестве философов. Т. е. *система социально-организационных связей между различными локусами нашего науковедческого сообщества оказалась чуть ли не противоположной системе когнитивных связей между разделами науковедения, что не могло не породить ощутимых противоречий.*

Принято считать, что единое и целостное науковедение не состоялось — и в нашей стране, и за рубежом. Это обычно объясняется неадекватностью «вавилонских» претензий на интеграцию, а установка на форсированную интеграцию, характерная для советского науковедения, подчас расценивается как «методологический волюнтаризм» на фоне зарубежных исследований науки, строящихся на презумпции о неизбежной разноплановости и плюралистичности этих исследований, невозможности их сведения к общему знаменателю. В свою очередь кризис отечественного науковедения часто связывается с тем, что эта дисциплина развивалась у нас неверным путем искусственно форсированной интеграции.

«Слои» науковедческого сообщества

Когнитивная разобщенность науковедения воспроизводится и закрепляется в дезинтегрированности нашего *науковедческого сообщества*, которое состоит из нескольких сепаратно существующих «слоев».

Первый, ядерный, «слой» науковедческого сообщества — это профессиональные науковеды, которые, даже если и не называют себя этим словом, профессионально изучают закономерности развития науки и влияющие на него факторы. Данный «слой», в основном сосредоточенный в таких науковедческих центрах, как Центр анализа и статистики науки, Центр ИСТИНА, Институт информации по обще-

ственным наукам, Российский институт экономики, политики и права в научно-технической сфере, Институт истории естествознания и техники[1], тоже не однороден. В частности, в его структуре отчетливо выражены такие группы, как «описатели», в основном описывающие, «где, чего и сколько» в современной российской науке, и «интерпретаторы», больше тяготеющие к философскому осмыслению истории науки. Не менее выражены и различия между, с одной стороны, «прикладниками», ориентированными на решение конкретных практических проблем, общим знаменателем которых служит вопрос о том, как спасти многострадальную российскую науку, и, с другой стороны, — «фундаментальщиками», больше озабоченными общими закономерностями научного познания.

Второй «слой» составляют исследователи, которые, не концентрируясь на изучении закономерностей развития науки как таковых, затрагивают их в связи с изучением других вопросов, например, с разработкой общей теории познания или с созданием инновационной экономики. Он представлен, в основном, специалистами, работающими в таких институтах, как Институт философии, Институт социологии, Институт мировой экономики и международных отношений, Институт США и Канады, Институт востоковедения РАН и др., которые, не выдвигая науку в качестве центрального объекта изучения, тем не менее, уделяют ей большое внимание. В последние годы этот «слой» быстро разрастается за счет вузов, в первую очередь университетов, проявляющих все большую склонность дополнять преподавание различных наук рефлексией по поводу их развития и поиску его синтетических закономерностей. И, вопреки общей тенденции снижения интереса к науковедению в нашей стране, в отечественных вузах появляется все больше профессиональных науковедов, а в результате введения кандидатского минимума по философии и истории науки их, несомненно, станет еще больше.

Третий «слой» нашего науковедческого сообщества можно назвать «стихийными науковедами». Это ученые, специализирующиеся в области других наук, но задумывающиеся над общими закономерностями их развития и, таким образом, осуществляющие науковедческую рефлексию. В какой-то степени каждый ученый — «стихийный науковед», ибо невозможно, занимаясь наукой, совсем не задумываться над закономерностями ее развития и не обладать некоторым минимумом науковедческого знания, но склонность к постижению этого знания и к науковедческой рефлексии, естественно, очень различна у разных ученых. В своем предельном выражении она проявляется в регулярных публикациях в науковедческих журналах, в проведении дисциплинарными сообществами конференций и семинаров, посвященных науковедческим проблемам, и т. д. И данная страта «стихийных науковедов» практически врастает в профессиональную часть науковедческого сообщества.

[1] К подобным центрам, видимо, следует причислить и наши научные фонды, которые имеют в своем составе специалистов, профессионально действующих на науковедческом поле.

Разобщенность нашего науковедческого сообщества на «слои», разумеется, нельзя трактовать лишь в негативном свете. В частности, наличие слоя «стихийных науковедов» — естественное следствие широкого интереса к науковедческим проблемам, выходящего за пределы профессиональной части науковедческого сообщества. Они могут быть лишь *частично* интегрированы в эту профессиональную часть, ибо иначе им пришлось бы расстаться со своими дисциплинами. Вместе с тем было бы очень желательно, чтобы и они обладали некоторым базовым тезаурусом науковедческого знания, чему должно способствовать введение выше упомянутого кандидатского минимума по философии и истории науки. В противном случае неизбежно строительство «доморощенных методологий» и «изобретение велосипедов», которыми часто грешат представители самых разных наук, особенно социогуманитарных, склонные к созданию внутридисциплинарных методологий в абстракции от общефилософской методологии науки и не всегда знающие имена Поппера или Лакатоса.

Тем не менее, уровень интегрированности нашего науковедческого сообщества следует охарактеризовать как на порядок более низкий в сравнении с другими социогуманитарными сообществами. Даже институционализированные науковедческие центры не слишком охотно идут на контакты друг с другом и неважно осведомлены о проводимых в других центрах исследованиях. Какие-либо общие науковедческие программы отсутствуют, равно как и одно из главных проявлений институциональной консолидированности любой научной дисциплины — *профессиональная ассоциация* (в то время как, скажем, у отечественных социологов их 4). В этих условиях об отечественном науковедческом сообществе можно говорить либо как об абстракции, либо как об асимптоте, к которой лишь начинает стремиться неорганизованная конгломерация наших науковедов.

«Кластеризация» науковедения

И все же восприятие науковедения как несостоявшейся научной дисциплины, полностью утратившей свой прежний запал, было бы неверным. Прежде всего потому, что на науковедческом поле — независимо от того, где прочерчивать его границы, — родились понятия, такие например, как «парадигма» или «исследовательская программа», которые распылены практически по всем научным дисциплинам, образуя каркас их социального и методологического самоопределения, и было выращено знание о логико-философских, социологических, психологических и др. закономерностях развития науки, которое очень обогатило саморефлексию науки. Можно отважиться на утверждение о том, что, если бы не существовало концепции научных парадигм Т. Куна, фальсификационизма К. Поппера, «методологического анархизма» П. Фейерабенда, работ Р. Мертона о «нормах» или И. Митроффа об «анти-нормах» научной деятельности и т. п., то любая из современных наук, особенно социогуманитарных, была бы немного другой. Т. е. науковедческое знание, внедряясь в науку, оказывает имлицитное, «подкожное» влияние на

нее. И в этом смысле науковедение действительно представляет собой метанауку, создающую если не плацдарм, то, по крайней мере, опорное рефлексивное поле для развития *всех* наук, особенно наименее развитых, находящихся в поиске собственной идентичности, которая обретается в постоянных и довольно болезненных сопоставлениях с «благополучными» дисциплинами. А роль науковедения в плане выработки нормативных представлений о том, что такое «наука вообще» и как она должна быть организована, равно как и в плане трансляции методологии из «благополучных» в «неблагополучные» науки[1], например, посредством философских концепций науки, трудно переоценить.

В плане отношений между науковедческими дисциплинами науковедческая «империя» тоже не представляется распавшейся. Более того, *за те годы, которые выглядели как кризис или вообще «отсутствие» отечественного науковедения, в его структуре произошли существенные и вполне конструктивные изменения*. Во-первых, протекал своего рода «естественный отбор» науковедческих дисциплин и основных разделов науковедения, в результате которого исходное количество претендентов (вспомним, что их насчитывалось до 16) оказалось сокращено. Во-вторых, налаживались и отшлифовывались органичные, а не форсированные, декларативные связи между ними, способные служить реальным, а не мифическим контекстом их интеграции. В третьих, происходило перераспределение приоритетов и относительного «веса» разделов науковедения, в результате которого одни разделы оказались на периферии, а другие — в центре общественного внимания.

В структуре современного науковедения можно выделить четыре «сгустка» науковедческого знания и, соответственно, четыре эпицентра его производства: *1) история науки, 2) философская методология науки, 3) изучение социопсихологических проблем науки, 4) изучение экономико-правовых и организационных проблем науки*. Эти «сгустки» выглядят вполне интернационально, выражены как в отечественном науковедении, так и в его зарубежном аналоге, и их можно считать основными составляющими (элементами) современного науковедения.

Нетрудно заметить, что подобная структура науковедения сформировалась в результате «кластеризации» выделявшихся ранее разделов, тяготения таких его традиционных фрагментов, как социология и психология науки, экономика, организация и изучение правовых вопросов науки, к общим проблемным полям. При этом наблюдался и еще ряд интегра-

---

[1] Имеется в виду, конечно, когнитивная «благополучность», обычно приписываемая «жестким» (hard science) естественнонаучным дисциплинам — физике, химии и др. Их антиподом в данной системе оценок выступают «неблагополучные» социогуманитарные или «неестественные» дисциплины. Релятивность этого разделения и соответствующих характеристик, равно как и возможность расхождения между когнитивной и социальной «благополучностью», очень ярко проявились в современной России, где именно естественные науки оказались в наиболее тяжелом положении, в то время как социогуманитарные дисциплины, в первую очередь экономика, правоведение, политология и социология, переживают подъем.

ционных процессов, знаменовавших общую модернизацию науковедческого поля. Так, например, наукометрия хотя и сохранила некоторые самостоятельные цели, в своей основной части все же оказалась «распределена» между другими разделами науковедения[1] вследствие их интенсивной квантификации, ориентации на количественные методы. Сейчас редкое социологическое, психологическое или экономическое исследование науки обходится без опоры на существующие наукометрические данные или генерирования новых данных, и наукометрию вряд ли можно считать самостоятельным *разделом* науковедения. Похожее произошло и с научной политикой, поскольку экономические, правовые, социологические и даже психологические исследования науки имеют одним из своих главных фокусов оценку отечественной научной политики и, как правило, увенчиваются формулированием ее основных принципов.

В принципе, и границы между «кластерами» науковедческого знания прочерчены достаточно условно. В настоящее время любое экономическое исследование науки уделяет большое внимание социологическим, а нередко и психологическим вопросам, а работы социологов и психологов науки затрагивают вопросы ее организации, опираются на экономические данные и правовые документы. В результате социопсихологический «кластер» сближается с «кластером», образованным экономико-организационным и правовым изучением науки, и налицо тенденция к дальнейшей «кластеризации», а возможно, и к долгожданному объединению науковедения — путем срастания его «кластеров». Мало кто из изучающих науку не использует историко-научные данные, грань между историей и современностью очень зыбка и условна (то, что было вчера, — уже история), и, в принципе, история науки, как и наукометрия, «распределена» между другими разделами науковедения[2]. Да и логико-философское знание нередко гостит на страницах социологических и психологических работ, а философские концепции науки, в свою очередь, построены на историко-научном материале. Тем не менее, границы между «кластерами» науковедческого знания пока прочнее, чем объединительные связи между ними, и можно констатировать существование четырех основных разделов современного науковедения.

Достаточно заметны и объединительные тенденции внутри «кластеров», что происходит, в первую очередь, за счет видоизменения традици-

[1] Следует отметить, что подобный — «служебный» — статус наукометрии отмечался и ранее. Например, в книге «Социологические проблемы науки» подчеркивалось, что наукометрические исследования «скорее надо рассматривать как *метод* [курсив мой. — *А.Ю.*] количественной интерпретации процессов в науке» [10, с. 6], а не как самостоятельное *направление* исследований.

[2] Существует, правда, и другая точка зрения по поводу соотношения науковедения и истории науки, восходящая к работам С.Р. Микулинского. Он писал: «В сущности, как бы далеко не простирались прагматические цели истории науки, ее исследования все же главным образом отвечают на вопрос *как было*. Науковедение же должно отвечать на вопрос *что есть и как должно быть*» [6, с. 126]. Это равносильно выделению двух основных видов изучения науки — истории науки, изучающей ее прошлое, и науковедения, исследующего ее настоящее.

онной проблематики науковедческих дисциплин. Так, например, двумя традиционными объектами психологических исследований науки традиционно служили личность ученого и научная группа, и эта дисциплина занималась преимущественно «внутренней» психологией науки [15 и др.]. Однако жизнь заставила сместить фокусы ее психологического анализа. Сейчас в центре интересов психологии науки, по крайней мере в нашей стране, находятся такие проблемы, как мотивы утечки умов, психология взаимоотношений между обществом и научным сообществом и др. Да и психологию науки в западных странах «внешние» проблемы науки, возникающие в сфере ее отношений с обществом, сейчас интересуют явно больше, чем «внутренние» — то, что происходит в головах ученых или в научных группах [3]. Такая — «внешняя» — психология науки куда ближе к социологии науки, чем традиционная психология, и граница внутри социопсихологического «кластера» исследований науки постепенно размывается.

Перспективы интеграции

В результате описанной «кластеризации» и действия других интегративных тенденций современное науковедение в когнитивном плане выглядит не намного более разобщенным, чем большинство других социогуманитарных наук, однако явно уступает им в плане *социальной консолидированности*. Здесь уместно провести сравнение с политологией, которая тоже, как и науковедение, представляет собой очень пестрый конгломерат дисциплин, изучающих политику и все, что с ней связано, и за рубежом именуется political science. В нашей же стране политология, еще совсем недавно отсутствовавшая вообще (если, конечно, не считать таковой научный коммунизм), в последние 10 лет подвергалась форсированной институционализации. В результате в современной России насчитывается более 50 тыс. политологов и более 300 «независимых» политологических центров[1], факультеты политологии есть во всех университетах, количество докторов и кандидатов политических наук стремительно возрастает, и вообще эта дисциплина обнаруживает самые высокие — среди всех прочих гуманитарных и негуманитарных наук — темпы роста [7 и др.]. И хотя представители других наук нередко выказывают к политологии скептическое отношение как к конъюнктуре сегодняшнего дня и считают ее данью патологической политизации современной России[2], никто не подвергает сомнению ее существование (и процветание) в качестве самостоятельной научной дисциплины.

---

[1] А суммарный оборот этих центров оценивается цифрой порядка 1 млрд долларов в год, что составляет половину официального бюджета всей российской науки [16].

[2] В ходу, например, такое высказывание: «существуют наука, паранаука и политология». Скептическое отношение к политологии как к вынужденной реакции науки на культ политики и конъюнктуру сегодняшнего дня, впрочем, не мешает массовой «эмиграции» в политологию представителей самых разных

Политологию отличает от науковедения отнюдь не состояние дисциплинарного знания — в когнитивном плане она ничуть не лучше консолидирована, а именно институциональное *оформление политологического сообщества*, объединившее то, чем оно занимается, в качестве самостоятельной науки[1]. Да и вообще решающая роль социальной институционализации любой научной дисциплины для ее общественного признания может быть не только проиллюстрирована многочисленными историческими примерами, но и выведена из самой сути современной науки.

Науку обычно определяют как специальным образом организованную *деятельность* по производству нового знания [5], и это более чем справедливо. Дело в том, что науку едва ли можно определить через *знание*, которое является продуктом этой «специально организованной деятельности», поскольку разные научные дисциплины производят существенно различные виды знания, которые подчас меньше похожи друг на друга, чем научное знание — на паранаучное или на житейское. Особенно велики различия в этом плане между естественными и социогуманитарными науками, которые вырабатывают совершенно различные виды знания, а, скажем, социологические теории больше похожи на астрологические прогнозы, чем на формулы физиков. В результате относить к науке разные научные дисциплины — не только физику или химию, но и историю, социологию, психологию и т. д. — позволяют не некие общие черты вырабатываемого ими знания, а *общая организация соответствующих видов деятельности*. Между общими правилами профессионального поведения физиков, химиков, психологов и социологов и между теми НИИ, в которых они работают, гораздо больше общего, чем между вырабатываемыми ими видами знания. И именно эта общая организация профессиональной деятельности позволяет относить их всех к одной профессиональной группе — к ученым.

Соответственно, любая научная дисциплина воспринимается в качестве самостоятельной науки, если она организована и институционализирована подобающим образом. Основные критерии институционального оформления любой научной дисциплины достаточно известны. Это:

1. Преподавание данной дисциплины в вузах и наличие соответствующих учебников.
2. Присуждение ученых степеней в соответствующей области;
3. Существование научно-исследовательских институтов и центров, в названии которых фигурирует обозначение этой дисциплины (Институт философии, Институт социологии и др.).
4. Издание профессиональных журналов.
5. Учреждение профессиональных ассоциаций и других профессиональных объединений.

наук — историков, социологов, психологов, специалистов по международным отношениям, востоковедов и т. д.

[1] Нельзя, конечно, списывать со счетов и общественный интерес к предмету этих наук: в современной России, где политики куда более популярны, чем ученые, и даже семейные разводы часто происходят по политическим причинам, политика вызывает гораздо больший общественный интерес, нежели наука.

6. Существование достаточно широкого круга специалистов, идентифицирующих себя с данной областью знания.

Наше науковедение, в отличие от политологии, пока преуспело лишь в учреждении профессионального журнала с соответствующим названием, все же остальные признаки институционализации науковедческого сообщества пока отсутствуют, включая последний, — лишь небольшое число исследователей, по сути занимающихся науковедением, идентифицируют себя именно с этой дисциплиной, предпочитая при этом идентификацию с теми науками, на базе которых они получили свое образование, — с экономикой, социологией, психологией и др. Пока перечисленные признаки институционализации отсутствуют, не сложится и более или менее консолидированное науковедческое сообщество, а, соответственно, будет сохраняться и иллюзия «отсутствия» отечественного науковедения — несмотря на солидный объем и большую распространенность науковедческого знания и возрастающий спрос на науковедческую рефлексию, т. е. на очевидную выраженность и когнитивных, и социальных предпосылок развития науки о науке.

Литература

1. *Юревич А.В. Цапенко И.П.* Нужны ли России ученые? М., 2001.
2. Аргументы и факты. Февраль 2002. № 6.
3. *Юревич А.В.* Социальная психология науки. М., 2001.
4. *Кефели И.Ф.* Наука до и после ИТР // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. СПб., 1997. Вып. XI. С. 19—24.
5. Основы науковедения. М., 1985.
6. *Микулинский С.Р.* Еще раз о предмете и структуре науковедения // Вопросы философии. 1982. № 7. С. 118—131.
7. *Безгласная Е.А.* Структурные сдвиги в российском высшем образовании // Преподавание социально-гуманитарных дисциплин в вузах России: состояние, проблемы, перспективы. М., 2001. С. 32—50.
8. *Рачков П.А.* Науковедение: проблемы, структура, элементы. М., 1974.
9. *Родный Н.И.* История науки, науковедение, наука // Вопросы философии. 1972. № 5.
10. Социологические проблемы науки. М., 1974.
11. *Ossowski M., Ossowski S.* The science of science. Warszawa, 1936.
12. *Боричевский И.* Науковедение как точная наука // Вестник знания. 1926. № 12.
13. *Копнин П.В.* Логические основы науки. Киев, 1968.
14. *Добров Г.М., Клименюк В.М., Смирнов Л.П., Савельев А.А.* Организация науки. Киев, 1970.
15. *Аллахвердян А.Г., Мошкова Г.Ю., Юревич А.В., Ярошевский М.Г.* Психология науки: Учебное пособие для вузов. М., 1998.
16. *Цепляев В., Пивоварова Л.* В коридорах власти пахнет анализами // АиФ. Август 2002. № 33 (1138).